

Курт Воннегут

Фокус-покус

Предисловие издателя

В распоряжении автора не было стандартной писчей бумаги. он писал в библиотеке, где хранилось тысяч восемь разных книг, абсолютно никому, кроме него, не нужных. Большинство из них так никто и не прочел, и вряд ли это им грозило в будущем, поэтому он мог бы с чистой совестью использовать вместо писчей бумаги вырванные из книг титульные листы. Но он этого не сделал. Почему – нам не известно. Так или иначе, он писал эту книгу карандашом на всем, что попадалось под руку, – от темной оберточной бумаги до конторских бланков с чистой обратной стороной. Поэтому здесь, вопреки обыкновению, появились сплошные линии, указывающие, где кончается один клочок и начинается другой. Если абзац совсем маленький, значит, и клочок был маленький.

Можно подумать, что автор, роясь в мусоре в поисках годных для писания листков, надеялся, что это поможет ему представиться существом безобидным или вовсе невменяемым – ведь он ждал суда. Но не менее вероятно и то, что он бросился писать, даже и не помышляя о том, что пишет книгу на чем попало, исписывая любой клочок, оказавшийся под рукой. Возможно, ему показалось, что очень удобно писать на одном клочке, потом на другом – как будто перед ним бутылки и пузырьки, которые надо наполнить. И когда очередная бутылка была наполнена, независимо от размера, он, должно быть, чувствовал удовлетворение: все, что стоило писать про то или про это, было написано.

Все странички он пронумеровал, так что можно не сомневаться ни в том, что они составляли цельную рукопись, ни в том, что он все же надеялся: эту книгу кто-нибудь прочтет, несмотря на растрепанный и жалкий вид. Собственно, он сам упоминает об этом то там, то тут – и чем ближе к концу, тем увереннее он говорит, что пишет книгу.

Здесь изображены несколько надгробий. Собственноручно автор нарисовал лишь одно из них. Остальные – копии, сведенные, очевидно, при помощи прозрачной бумаги, наложенной поверх оригинала, прижатого к оконному стеклу, освещенному солнцем. На пустой поверхности надгробного камня

он потом писал разные слова, а на одном – всего лишь вопросительный знак. Воспроизвести их на странице книги сложно, поэтому надписи набраны типографским шрифтом.

Автор лично несет ответственность за то, что некоторые слова почему-то написаны с заглавной буквы, хотя дотошный редактор предпочел бы это исправить. Кроме того, Юджин Дебс Хартке решил, по непонятным для нас причинам, что все числительные надо изображать цифрами, кроме тех случаев, когда с них начинается фраза, например, «2» вместо «два». Может быть, ему казалось, что если цифры разбавлять буквами, они потеряют свою силу,

Поразмыслив, я решил отнестись ко всем его пристрастиям и чудачествам с уважением. Помню, другой автор как-то сказал мне, что есть одно, самое священное слово в громадном запасе редакторских значков и закорючек. Вот оно: «ОСТ.», то есть «оставить, как есть».

К. В.

Эта книга – чистый вымысел, и посвящается вам,

1

Меня зовут Юджин Дебс Хартке, родился я в 1940-м. По требованию дедушки с материнской стороны, Бенджамена Уиллса, Социалиста и Атеиста, простого дворника в Институте Батлера, что в Индианаполисе, штат Индиана, меня назвали в честь Юджина Дебса из Терр Отт, тоже в Индиане. Дебс был Социалист и Пацифист, и Профсоюзный Деятель, несколько раз выставлявший свою кандидатуру на выборах президента Соединенных Штатов Америки, и голосов он получил больше, чем любой другой кандидат, выдвинутый третьей партией, за всю историю нашей страны.

Дебс умер в 1926-м, когда мне было –14 лет.

Теперь у нас 2001 год.

Если бы исполнились надежды и чаяния большинства людей, к нам снова пришел бы Иисус Христос, а американский флаг развевался бы на Венере и на Марсе.

Да что-то не повезло...

Но Конец Мира все же настанет, и многие заранее радуются от всей души.
Ждать осталось совсем недолго, но все же в 2000 году конца мира не было.
Я полагаю, что Всевышний просто не очень-то увлекается Нумерологией.

Дедушка Бенджамен Уиллс умер в 1948, когда мне уже было +8 лет, и он успел убедиться, что я выучил наизусть слова, изреченные Дебсом:

«Пока существует угнетенный класс, я в его рядах.

Пока существует преступность, я к ней причастен.

Пока хоть одна живая душа томится в тюрьме, я не свободен».

Но я, названный в честь Дебса, вовсе не унаследовал его чувствительное сердце. С того времени, как мне исполнился 21, и до 35 я был профессиональным военным, кадровым офицером Армии Соединенных Штатов. За эти 14 лет я бы ничтоже сумняшеся уколошил и Самого Сына Божия, и любого другого сына любого другого отца и матери, да и вообще все и вся, по приказу вышестоящего офицера.

Внезапный, унижительный и позорный конец Вьетнамской войны застал меня в чине подполковника, и у меня были 1000-чи и 1000-чи подчиненных.

Во время этой войны, в которой главным был вопрос о запасах вооружения, существовала совершенно микроскопическая вероятность того, что именно я дал сигнал той газовой атаке или напалмовому штурму с воздуха, который встретил возвратившегося к нам Иисуса Христа.

Я вовсе не собирался стать профессиональным солдатом, хотя из меня вышел хороший солдат, если можно поставить эти два слова рядом. Мысль послать меня в Уэст-Пойнт, неожиданная, как конец Вьетнамской войны, явилась откуда ни возьмись, когда я доучивался последний год в школе. Я давно и твердо решил, что пойду в Мичиганский Университет, буду изучать Английский, Историю и Политологию и работать в студенческой ежедневной газете, чтобы набить руку в журналистике.

Но тут мой родитель, инженер-химик, принимавший участие в производстве пластика с периодом полураспада в 50 000 лет, и напигованный дурацкими идеями, что твоя рождественская индейка, заявил, что я поступаю в Уэст-Пойнт. Сам он никогда в армии не служил. Во время 2 мировой войны его сочли слишком ценным «мыслителем» в области химии, чтобы позволить напялить на него солдатскую форму и превратить его за 13 недель в придурка, одержимого манией убийства и самоубийства.

Меня уже приняли в Мичиганский Университет, когда мне на голову точно с неба свалилась идея поступить в Военную Академию Соединенных Штатов. Это предложение застигло моего отца в тяжелое для него время, когда он попал в полосу неудач, и ему было необходимо хоть чем-то похвалиться, чтобы вернуть себе уважение наших простоватых соседей. Для них приглашение в Уэст-Пойнт было великим везеньем – все равно что приглашение в профессиональную бейсбольную команду.

Он мне так и сказал, а я всегда повторял это зеленым новичкам из пехотного пополнения, как только они сходили на землю Вьетнама с корабля или с самолета:

– Перед вами открываются грандиознейшие возможности.

А вот если бы наш мир был устроен получше, знаете, кем я хотел бы стать? Джазовым пианистом. Я говорю о джазе. Никакого рок-н-ролла. Я говорю о той музыке, в которой ни одна нотка не повторяется – ее подарили миру американские чернокожие. Мне пришлось играть на рояле в чисто белом джазбанде, в моей школе для белых в Мидленд Сити, Огайо. Мы называли себя «Продавцы душ».

Хорошо ли мы играли? Приходилось играть популярную музыку для белых, иначе нас бы вообще никуда не приглашали. Но мы частенько срывались с привязи и играли настоящий джаз. Похоже, что никто никакой разницы не замечал. Но мы-то знали. Мы были от себя в восторге. Мы сами в себе души не чаяли.

Не стоило отцу заставлять меня учиться в Уэст-Пойнте.

Мало того, что он поганил окружающую среду своими сверхстойчивыми пластиками. Подумайте, что он со мной сделал! Какой он был простофиля! А моя мамочка подпевала ему во всем, что бы он ни придумал, а значит, и у нее тоже были не все дома.

Их обоих убило в дурацкой катастрофе, в лавке сувениров на канадской стороне Ниагарского водопада, который местные индейцы раньше называли «Гремящей Бородой», – на них обвалился потолок.

В этой книге нет слов, входящих в непечатные выражения, кроме «черт» и «Бог», – так что не бойтесь, невинное дитя не найдет здесь ни 1-го ругательства. Время от времени я, говоря о вьетнамской войне, буду выражаться так:

– Это было тогда, когда экскременты влетели в вентилятор.

Пожалуй, единственный принцип, который мне внушил Дедушка Уиллс, принцип, который я читил всю свою сознательную жизнь, заключался в том, что сквернословие и богохульство дают право людям, не желающим получать неприятную информацию, затыкать уши и закрывать глаза, когда вы к ним обращаетесь.

Самые наблюдательные солдаты из моих подчиненных во Вьетнаме поражались, что я никогда не ругаюсь – второго такого они в Армии не встречали. Иногда они меня спрашивали: может, это из религиозных соображений?

А я отвечал, что к религии это не имеет ни малейшего отношения. Признаться, я почти законченный атеист, как мамин папаша, хотя этого я им не говорил. Стоит ли спорить с человеком, лишая его надежды хоть на какую-нибудь Жизнь за гробом?

– Я не сквернословлю, – говорил я обычно, – потому что и твоя жизнь, и жизнь тех, кто рядом с тобой, может целиком зависеть от того, понял ли ты, что я тебе говорю. О'кей? О'кей?

Я вышел в отставку в 1975, когда экскременты влетели в вентилятор, однако не пропустил возможности сделать сына по пути домой – во время короткой остановки на Филиппинах. Я сам об этом не догадывался. Я был в полной уверенности, что девушка, работавшая военным корреспондентом, пользовалась надежным противозачаточным средством.

Опять просчитался!

Повсюду понатыканы капканы и ловушки на дураков.

Но самая колоссальная мышеловка, какую мне подстроила Судьба, – это была прехорошенькая и обаятельная девушка по имени Маргарет Паттон, которая позволила мне ухаживать за ней и согласилась выйти за меня замуж – вскоре после окончания Уэст-Пойнта, – а потом родила мне 2-их детишек, ни разу не заикнувшись о том, что в ее семье с материнской стороны имеется сильнейшее предрасположение к сумасшествию.

Так что сначала ее мать, которая жила с нами, сошла с ума, а потом и сама она потеряла рассудок. Более того, наши дети могут с полным основанием опасаться, что и они тоже в пожилом возрасте спятят.

Наши дети – а теперь все они взрослые люди – никогда в жизни не простят нам того, что мы имели потомство.

Да, влипли мы все, ничего не скажешь.

Я понимаю, что, сравнивая мою первую и единственную жену с таким бесчеловечным устройством, как ловушка для дураков, я рискую показаться столь же бездушным адским изобретением. Но множество женщин с удовольствием и без всяких осложнений общались со мной, и меня тоже интересовали их человеческие, а не чисто механические свойства. Я почти каждый раз был так же увлечен их душами, их умом, историями их жизни, как и их любовным пылом.

Но когда я вернулся домой с войны во Вьетнаме и задолго до того, как Маргарет и ее мать проявили со всей очевидностью для меня, и наших детей, и наших соседей явные и яркие симптомы своего наследственного безумия, эта дружная команда в игре в «дочки-матери» стала ко мне относиться как к докучному, но необходимому предмету бытовой техники – вроде пылесоса.

На меня неожиданно валились не только неприятности, были и удачи, можно сказать, «манна небесная», но все же их было явно недостаточно, чтобы жизнь показалась похожей на райские кущи, куда там... Но сразу же после моего возвращения с войны, когда я не имел ни малейшего представления о том, куда податься и что делать всю оставшуюся жизнь, я неожиданно встретил своего прежнего командира, который стал Президентом Таркингтоновского колледжа, в Сципионе, штат Нью-Йорк. Мне тогда было всего 35, и жена была еще в своем уме, а теща только слегка тронулась. Он предложил мне место учителя, и я согласился.

Я мог принять его предложение с чистой совестью, хотя у меня не было никаких ученых степеней, кроме диплома об окончании Уэст-Пойнта, – дело в том, что все ученики в Таркингтоне были так или иначе неспособны к учению, или вообще олигофрены и тупицы, и прочее в этом роде. Мой старый командир заверил меня, что я могу по любому предмету без труда дать им сто очков вперед.

Но он хотел, чтобы я преподавал в основном Физику, а у меня как раз были отличные отметки по физике в Уэст-Пойнте.

А самая-то главная удача для меня, самая полная поварешка манны небесной, заключалась в том, что в Таркингтоне был нужен человек, способный играть на Лютцевых колоколах. Это был набор колоколов, который помещался в башне над библиотекой, где я сейчас пишу.

Я спросил своего старшего командира, как надо звонить – за веревки дергать?

Он ответил, что раньше приходилось и за веревки дергать, но потом туда провели электричество и теперь надо играть на клавиатуре, и все.

– А что за клавиатура? – спросил я.

– Как у рояля, – сказал он.

На колоколах мне играть не приходилось. Мало кому выпадает такая звонкая возможность. Но на рояле-то я играл! И я ему сказал:

– Пожмите руку вашему новому звонарю.

Нет сомнения: самые счастливые минуты моей жизни наступали дважды в день – утром и вечером, когда я играл на Лютцевых колоколах.

Я приехал в Таркингтон 25 лет назад, и с тех пор живу в этой чудесной долине. Это мой дом.

Здесь я учительствовал. И совсем недолго был Начальником тюрьмы – это когда Таркингтоновский колледж официально был объявлен Таркингтоновским Государственным Исправительным Заведением – в июне 1999, 20 месяцев назад.

Теперь я сам стал здешним заключенным, но живу довольно свободно. Меня пока еще ни в чем не обвинили. Я жду суда, который состоится, видимо, в Рочестере, по подозрению в организации массового побега из Нью-Йоркского Государственного Сверхнадежного Исправительного заведения для взрослых в Афинах – на том берегу озера.

Оказалось, что у меня еще и туберкулез, и моя бедная помешанная жена Маргарет с матерью по указанию суда были помещены в сумасшедший дом в Батавии, штат Нью-Йорк. Вот на это у меня никогда духу не хватало.

Я теперь попал в положение униженного и оскорбленного, так что деятель, в честь которого меня назвали, будь он в живых, мог бы, наконец, обратить на меня внимание.

2

В те далекие времена, когда царил оптимизм, и до всех поголовно еще не дошло, что люди убивают свою планету при помощи побочных продуктов своей изобретательности и что мы уже шагнули за порог нового Всемирного Оледенения, существовало общее название для крытого фургона, запряженного лошадьми, которые тащили переселенцев и их пожитки по прериям будущих Соединенных Штатов Америки, а потом через Скалистые горы к самому Тихому океану, – это было слово «Конестога»: первые такие фургоны сколотили в долине Конестога, в Пенсильвании.

Заодно они снабжали колонистов и сигарами, не считая всего прочего, так что до сих пор, в 2001 году, их частенько зовут «стоги» – от «Конестога», только покороче.

А тогда, в 1830, самые прочные фургоны, пользовавшиеся особой популярностью, делали как раз в Компании «Мохига-Фургон», здесь, в Сципионе, штат Нью-Йорк, у самой узенькой части, вроде талии, озера Мохига, самого глубокого, холодного и дальнезападного в цепи длинных и узких озер, которые так и зовут «фингерлейкс», – Пальцы-озера. Так что наиболее образованные курильщики сигар вполне могли бы называть свои слезоточивые бомбы не «стоги», а, например, «моги» или «хигги».

Основателем Компании «Мохига-Фургон» был Аарон Таркингтон, талантливый изобретатель и удачливый промышленник, несмотря на то, что он не мог ни читать, ни писать. Сейчас в нем сразу опознали бы ни в чем не повинную жертву наследственного генетического недостатка, именуемого дислексия. Он сам о себе говорил, что ему, как императору Карлу Великому, «недосуг учиться читать да писать». Однако он все же выкраивал по два часа в день, несмотря на занятость, и жена каждый вечер читала ему вслух. Память у него была феноменальная, и в своих еженедельных лекциях для рабочих предприятия он то и дело цитировал по памяти длинные фразы из Шекспира, из Гомера и из Библии, да и вообще откуда угодно.

Он стал отцом 4 детей – сына и 3 дочерей, и все они, как 1, могли и читать, и писать. Но они все же оставались носителями гена дислексии, который преградит дорогу нескольким их потомкам к традиционному процессу обучения. Двое из детей Аарона Таркингтона, кстати, оказались настолько далеки от дислексии, что даже сами написали по книге – я их прочел только сейчас, и очень сомневаюсь, что их кто-нибудь когда-нибудь прочтет, кроме меня. Единственный сын Аарона, Элиас, написал технический отчет о строительстве канала Онондага, соединяющего северный конец озера Мохига с каналом озера Эри, к югу от Рочестера. А самая меньшая из дочерей, Фелисия, написала роман «Карпатия» – про взбалмошную и высокородную юную особу из Долины Мохига, которая влюбилась в метиса, полуиндейца, служившего на этом самом канале смотрителем шлюза.

Теперь этот канал засыпан и заасфальтирован, превращен в Шоссе 53 – оно раздваивается как раз в верховьях озера, где раньше были шлюзы. Одна ветка уходит на юг, к Сципиону, через сельскохозяйственные угодья. Другая ведет к юго-западу, через Ирокезский Национальный Лесной Заповедник, под вечно сумрачной сенью первозданного леса, к лысой вершине холма, увенчанного крепостными стенами Нью-йоркского Государственного Сверхнадежного исправительного заведения для взрослых, что в Афинах – это деревушка на том берегу озера, напротив Сципиона.

Читайте внимательно. Это – история. Я стараюсь объяснить вам, как эта долина, цветущий и укромный уголок, превратилась в то, что она представляет собой теперь.

Все 3 дочери Аарона Таркингтона вышли замуж за сыновей процветающих предприимчивых дельцов в Кливленде, Нью-Йорк, и Уилмингтоне, Делавар, – в полной невинности и неведении поставив под угрозу наследственной дислексии весь нарождающийся правящий класс банкиров и промышленников – в мое время их почти совсем вытеснили Немцы, Корейцы, Итальянцы, Англичане и – само собой! – Японцы.

Сын Аарона, Элиас, остался в Сципионе и унаследовал всю его недвижимость, добавив к ней еще пивоварню и ковровую фабрику на паровом ходу, первую в нашем штате. В Сципионе нет источников гидроэнергии, поэтому до введения паровых машин его промышленность процветала не из-за дешевых источников энергии и местного сырья, а только за счет изобретательности и высокого мастерства ремесленников.

Элиас Таркингтон так и не женился. В возрасте 54 лет он получил серьезное ранение в сражении при Геттисберге, где присутствовал в качестве гражданского наблюдателя – при цилиндре, кроме всего прочего. Он туда отправился посмотреть, как себя покажут 2 его изобретения – походные кухни и пневматическое противоткатное устройство для тяжелой артиллерии. Кстати сказать, походные кухни, с небольшими изменениями, были взяты на вооружение цирком Барнума и Бейли, а затем – германской армией, в I Мировую войну.

Элиас Таркингтон был высокий, худощавый мужчина, с бакенбардами и бритым подбородком, в неизменном цилиндре. При Геттисберге ему прострелили правую сторону груди, но он выжил.

А стрелял в него 1 из немногих солдат-конфедератов, добравшихся до расположения войск северян во время Атаки Пикетта. И этот самый Джонни Реб с восторгом принял смерть от рук врагов, будучи в полной уверенности, что подстрелил Авраама Линкольна. На полуистлевшем клочке газеты, который я нашел здесь – в бывшей библиотеке колледжа, а ныне тюремной библиотеке, – его последние слова звучат так: «Ступайте домой, Синебрюхие. Старому Черту каюк!»

За 3 года во Вьетнаме я, само собой, слышал последние слова умирающих американских пехотинцев несчетное число раз. Но ни 1 из них не воображал, что ему удалось сделать хоть что-то стоящее в общем предприятии, называемом Великое Самопожертвование.

Один парнишка, ему было всего восемнадцать, умирая у меня на руках, твердил: «Гнусная шутка, гнусная шутка».

3

Элиас Таркингтон, тяжело раненный двойник Авраама Линкольна, вернулся в 1-м из собственных фургонов домой, в Сципион, в свое имение с видом на город и на озеро.

Образования он не получил, он был скорее механиком, чем ученым, и поэтому потратил последние 3 года своей жизни на осуществление идеи, которая противоречила Законам Ньютона и была неосуществима, – он строил вечный двигатель, перпетуум-мобиле. Он соорудил не меньше 27 устройств и имел глупость ожидать, что они будут крутиться и вертеться до Судного Дня – стоит только разок крутануть или подтолкнуть где надо.

Я отыскал 19 издевательских свидетельств его упорства на чердаке бывшего особняка их создателя – в мое время это была резиденция Президента Колледжа, и я уже год как работал в Таркингтоне. Я снес их вниз, стащил в 20 век. Вместе с несколькими учениками я их почистил, заменил некоторые части, рассыпавшиеся за прошедшие 100 лет. По крайней мере они оказались драгоценными в буквальном смысле слова – на аметистах и гранатах, с рычагами и ножками из экзотических пород деревьев, катающиеся шары были слоновой кости, а желобки и противовесы – из чистого серебра. Как будто умирающий Элиас старался победить законы природы при помощи магических драгоценных материалов.

Как мы с учениками ни старались, самая лучшая из этих игрушек работала всего 51 секунду. Вечность, ничего не скажешь.

Эти реставрированные раритеты, как я понял сам и объяснил ученикам, свидетельствовали не только о том, как быстро любое устройство на Земле останавливается без постоянного притока энергии. Они напомнили нам заодно и о мастерах, некогда работавших в городишке внизу. В наши дни там не найдешь ни одного человека, способного сотворить такие хитроумные и красивые вещи.

Да, мы еще выбрали 10 приборов, самых забавных на наш взгляд, и создали в библиотеке внизу постоянную экспозицию, а над ними повесили надпись, которую можно применить сейчас ко всей нашей пропадающей планете:

ПУСТОПОРОЖНЕЕ ХИТРОУМИЕ НЕВЕЖЕСТВА

Перечитывая старые газеты, письма и дневники тех времен, я понял, что люди, которые сооружали для Элиаса Таркингтона эти механизмы, прекрасно знали, что работать они не будут, неважно, по какой именно причине. Но с какой любовью они обрабатывали каждый камешек, каждый шарик! Как вам понравится такое определение чистого искусства: «Создать шедевр для переливания из пустого в порожнее»?

Элиас Таркингтон изобрел еще один «вечный двигатель» и описал его в своем Последнем слове и завещании под названием «Свободный Институт Мохига». После его смерти этому новому учебному заведению отходило его поместье в 3 000 гектар над городом Сципион, плюс половина акций в компаниях – фургоностроительной, пивоваренной, ковроткацкой. Другой половиной уже давно распоряжались его сестры – издавна. На своем смертном ложе он предрек, что в 1 прекрасный день Сципион станет великой столицей и благодаря несметным богатствам преобразит маленький колледж Таркингтона в университет, который еще посрамит и Гарвард, и Оксфорд, и Гейдельберг.

Предполагалось, что в колледже будут бесплатно обучаться лица обоего пола, любого возраста, расы или вероисповедания, проживающие в радиусе 40 миль от Сципиона. Лица, живущие за пределами этого круга, будут вносить скромную плату. Вначале предполагался лишь один штатный служащий – Президент. Преподавателей нанимали прямо тут, в Сципионе. Они должны были освобождаться от основной работы на несколько часов в неделю и учить тому, что сами умеют. К примеру, главный инженер фургонной компании, по имени Андре Лютц, был уроженцем Льежа, что в Бельгии, и работал там подмастерьем у литейщика колоколов. Он должен был преподавать Химию. Его жена, француженка, преподавала Французский и Рисование Акварелью. Пивовар из местной пивоварни, Герман Шульц, уроженец Лейпцига, учил Ботанике, Немецкому и Игре на флейте. Священник епископальной церкви, доктор Алан Ключ, окончивший Гарвардский университет, учил Латыни, Греческому, Ивриту и Закону Божьему. Врач, пользовавшийся умирающего, Дэлтон Полк, должен был учить Биологии и Шекспироведению, и так далее.

И все вышло по слову его.

В 1869 новый колледж принял первый набор, 9 учеников, все из местных. Четверо были нормального возраста для колледжа. Один был ветераном армии северян, потерявшим ногу под Шайло. Еще один – бывший раб,

чернокожий, 40 лет от роду. Была там и незамужняя девица, 82 лет.

Первым Президентом был школьный учитель 26 лет, из Афин – в 2 километрах по озеру от Сципиона. Тюрьмы на том берегу еще не было, там добывали сланец в шахте, стояла лесопильня и несколько бедных ферм. Президента звали Джон Пэк. Он был двоюродным братом Таркингтона. Однако в его ветви рода дислексия отсутствовала. В наше время живут его многочисленные потомки, и 1 из них, представьте себе, даже пишет речи для Вице-Президента Соединенных Штатов.

Молодой Джон Пэк с женой, 2-мя детьми и тещей прибыл в Сципион на гребной распашной лодке, на веслах сидел он сам с женой, дети устроились на корме, а багаж и теща – в другой лодке, которую они тащили на буксире.

Они поселились на третьем этаже бывшего особняка Элиаса Таркингтона. Комнаты на первых 2 этажах предназначались для классов, библиотеки (библиотека уже была, Таркингтоны собрали 280 книг), залы для занятий и столовой. Многие сокровища былых времен были отнесены на чердак, чтобы освободить место для новых дел и мероприятий. Угодили туда и незадачливые вечные двигатели. Там они и пылились, зарастая паутиной, до 1978 года, когда я их обнаружил, понял, что это такое, и снова снес по лестнице с чердака – вниз.

За неделю до того, как должен был начаться первый курс – Латынь, которую преподавал епископальный священник Алан Ключ, возле особняка остановились 3 фургона с тяжелым грузом, принадлежавшим Андре Лютцу, бельгийцу. Он состоял из 32 специально подобранных колоколов. Лютц отлил их в сверхурочное время и на собственные деньги в литейном цеху фургонной компании. На отлив пошли стволы винтовок, пушечные ядра и штыки, собранные на поле битвы в Геттисберге, принадлежавшие как армии северян, так и конфедератам. Это были первые – и, без сомнения, последние колокола, отлитые в Сципионе.

Мне кажется, в Сципионе уже ничего никогда не отольют. Здесь больше никогда не будут заниматься индустриальными ремеслами.

Андре Лютц преподнес всю эту кучу колоколов колледжу, хотя вешать их было решительно негде. Он сказал, что поступает так в глубокой уверенности, что в 1 прекрасный день здесь будет всемирно известный университет, и там будет и колокольня, и все что угодно. Он умирал от эмфиземы, вызванной вдыханием паров расплавленных металлов с 10-летнего возраста. У него не было времени ждать, пока будет готово место для самого великого чуда, которое он смог сотворить за свою короткую жизнь, – этим чудом и были все эти колокола, колокола, колокола.

Этот подарок сюрпризом не назовешь. На отливку ушло 18 месяцев. Литейщики, за работой которых он следил, разделяли его волшебную мечту о бессмертии, создавая вещи столь прекрасные и бесполезные, как эти колокола, колокола, колокола.

Так что все колокола, кроме 1-го из средней октавы, обильно смазали жиром, чтобы ржавчина не брала, и оттащили на хранение в большой сарай в 200 метрах от особняка, расставив в 4 ряда. 1 колокол, которому было дозволено петь, подвесили в куполе особняка, а веревку спустили до самого первого этажа. Он должен был служить вместо звонка, а в случае пожара – бить тревогу.

Остальные колокола, как выяснилось, проспали в сарае 30 лет, до 1899, когда их повесили в полном составе, включая и тот, что висел в куполе, на вершине башни великолепной библиотеки, подаренной колледжу семейством Мелленкамп из Кливленда.

Мелленкампы были одновременно и Таркингтонами, так как основатель их состояния женился на дочке неграмотного Аарона Таркингтона. Из них одиннадцать человек в свое время оказались жертвами дислексии, и всех отправили в колледж в Сципионе – ни в одно другое высшее учебное заведение их не принимали.

Первым из Мелленкампов закончил колледж Генри, поступивший сюда в 1875, 19-ти лет, когда колледжу было всего 6 лет. В это время его и переименовали в Таркингтоновский колледж. Я тут нашел ветхий протокол собрания Попечительского Совета, на котором произошло это переименование. Трое из 6 Попечителей были женаты на дочерях Аарона Таркингтона, и 1 из них был дедом Генри Мелленкампа. В Совет Попечителей входили еще 3: мэр Сципиона, адвокат, занимавшийся делами дочерей Таркингтона в наших местах, и местный Конгрессмен, тоже верный и преданный слуга трех сестер, так как они участвовали при посредстве колледжа в самых главных индустриальных производствах его избирательного округа.

Из протокола, который рассыпался у меня в руках, пока я его читал, я узнал, что дедушка юного Генри Мелленкампа предложил переименовать заведение, заявив, что «Бесплатное учебное заведение Мохига» что-то чересчур напоминает «богоугодное заведение» или богадельню. Мне думается, что ему было бы в высшей степени наплевать на то, что название заведения наводит на мысль о богадельне, если бы он, на свое несчастье, не был вынужден держать в этом заведении внука.

В том же самом году, 1985, начались работы и на другом берегу озера, на холме над Афинами – там строили лагерь для малолетних преступников из городских трущоб. Считалось, что свежий воздух и чудеса Природы настолько преобразят их души и тела, что они как-то сами собой перевоспитаются в добропорядочных граждан.

Когда я поступил на работу в Таркингтон, там было всего 300 студентов – постоянное число за последние 50 лет. А вот деревенский исправительно-трудовой лагерь на том берегу озера превратился в суровую крепость из железа и камня на голой вершине холма – в Государственное Исправительное Заведение Строгого Режим для взрослых штата Нью-Йорк. В этой тюрьме в Афинах содержалось под надежной охраной 5 000 самых отпетых преступников со всего штата.

Два года назад в Таркингтоне по-прежнему было 300 студентов, а население тюрьмы, в жуткой тесноте и перенаселенности, достигло 10 000. И вот, в 1 зимнюю морозную ночь, там произошел самый массовый в истории Америки побег из тюрьмы. До тех пор ни одной душе не удавалось сбежать из Афинской тюрьмы.

Вдруг, в одночасье, каждый мог уйти, куда угодно, и мог взять оружие в тюремном арсенале, если хотел. Озеро, разделявшее тюрьму и маленький колледж, замерзло, и перейти через него было не трудней, чем через асфальтированную стоянку для машин возле столичного супермаркета.

Что-то будет?

Да, и к тому времени, как колокола Андре Лютца наконец смогли все вместе вызывать любые мелодии, Таркингтоновский колледж обзавелся не только новой библиотекой, но и роскошными дортуарами, научным корпусом и корпусом искусств, часовней, театром, банкетным залом, административным зданием, 2-мя новыми учебными корпусами, спортивными сооружениями, вызывавшими зависть у других институтов, с которыми стали проводить соревнования по легкой атлетике и фехтованию и плаванию и бейсболу: Хобарт, Рочестерский и Корнеллский университеты и Юнион, Амхерст и Бакнелл.

Все эти сооружения носили имена тех богатых семейств, которые были благодарны не меньше, чем Мелленкампы, за то, что колледж смог сделать для их потомков, которых обычные колледжи признали непригодными к обучению. Большинство из них не были связаны родством с Мелленкампами или другими семьями, несущими таркингтоновский ген дислексии. Да и подростки, которых посылали в Таркингтон, не обязательно страдали дислексией. У них была куча других странностей, в том числе и неспособность записать пером на бумаге свои совершенно здравые мысли, или такое чудовищное заикание, что они слова из себя не могли выдавить на уроке, или малая эпилепсия, *petit mal*, при которой они начисто вырубались из действительности на несколько секунд или минут, и это могло случиться в любом месте, в любое время. И прочее в том же духе.

Просто Мелленкампы первые потребовали, чтобы маленький колледж попытался исправить явно безнадежный случай наследственной врожденной богатейской ни-к-чему-способности – речь идет о юном Генри. А Генри не только получил в Таркингтоне диплом с отличием. Он продолжил образование в Оксфорде, куда прихватил с собой приятеля, который читал ему вслух и записывал мысли, приходившие в голову Генри, – сам он мог их только высказать. Генри стал 1-м из самых блестящих ораторов золотого века американского ораторского искусства – самоуверенным, нахальным краснобаем, и 36 лет кряду был сенатором

Соединенных Штатов от штата Огайо.

Этот самый Генри Мелленкамп написал слова 1-й из самых популярных баллад конца века – «Мэри, Мэри, отзовись!..»

Музыку этой баллады сочинил друг Генри, Пол Дрессер, брат романиста Теодора Драйзера. Это был 1-ственный в своем роде случай, когда Дрессер написал музыку на чужие слова, а не на свои собственные. А потом Генри этот мотивчик присвоил и написал – точнее, продиктовал – новые слова, сентиментальные и восхваляющие жизнь студентов в нашей благословенной долине.

Так «Мэри, Мэри, отзовись!» сподобилась положения гимна нашего колледжа, каковым и пробыла до тех пор, пока он не превратился в тюрьму, 2 года назад.

История!

Целая цепь случайностей сделала Таркингтон таким, каким мы его видим. Кто осмелится предсказывать, каким он будет в 2021, всего через 20 лет? Вселенной движут 2 главных принципа: Время и Удача.

У меня есть любимый похабный анекдот, и кончается он так: «Держись за шляпу. Мы можем приземлиться за много миль отсюда».

Случись так, что Генри Мелленкамп не появился бы на свет с дислексией, Таркингтоновский колледж даже и звался бы по-другому. Он продолжал бы называться «Бесплатным учебным заведением Долины Мохига» и мирно скончался бы вместе с фургонной фабрикой, пивоварней и фабрикой ковров, когда шоссейные и железные дороги, соединяющие Восток и Запад, пролегали далеко на севере и на юге от Сципиона – чтобы не приходилось строить мост через озеро, прокладывать дороги в сумрачных дебрях девственного леса, который теперь простирается на восток и юг отсюда и называется Ирокезский Национальный Лесной Заповедник.

Если бы Генри Мелленкамп не вышел из чрева матери дислексиком, и если бы его мать не была дочкой Таркингтона и не знала о маленьком колледже на озере Мохига, эта библиотека никогда не была бы построена и укомплектована 800 000 томов в переплетах. Когда я здесь преподавал, здесь было на 70 000 больше книг, чем в Свартморе! Из небольших колледжей наш уступал только Оберлину, где насчитывалось 1 000 000 томов в твердых переплетах.

Итак, что это за строение, где я сейчас сижу, по милости Времени и Удачи? Не что иное, друзья и сограждане, как самая громадная тюремная библиотека в истории преступлений и наказаний!

Здесь очень одиноко. Эй, кто-нибудь! Отзовись!

Я бы мог сказать те же самые слова и тогда, когда это была еще библиотека колледжа, укомплектованная 800 000 томов:

– Здесь очень одиноко. Эй, кто-нибудь! Отзовись!

Я только что проверил сведения о Гарвардском Университете. В настоящее время он владеет 13 000 000 переплетенных томов. Есть что почитать!

И почти все книги, за малым исключением, написаны для правящего класса или о нем.

Если бы Генри Мелленкамп не явился на свет из чрева матери с дислексией, на свете бы не было башни, где можно было бы развесить Лютцевы колокола.

Этим колоколам было бы не суждено будить звоном эту долину, вообще не суждено звучать. Может, их бы расплавили и перелили обратно в оружие во время 1 мировой войны.

Если бы Генри Мелленкамп не вышел на свет из чрева матери дислексиком, на этом холме над Сципионом не светило бы ни одно окошко в ту морозную зимнюю ночь, 2 года назад, когда озеро заковало льдом и оно стало глаже асфальтовой площадки, а 10 000 заключенных в Афинской тюрьме внезапно вырвались на свободу.

Так нет: весь холм мерцал и подмигивал целой галактикой приветливых огоньков.

4

Совершенно независимо от того, появился Генри Мелленкамп на свет из чрева своей матери с дислексией или без нее, я родился в Уилмингтоне, штат Делавар, за 18 месяцев до того, как наша страна вступила во 2 мировую войну. Я с тех пор не бывал в Уилмингтоне. Но мое свидетельство о рождении хранится там. Я был единственным отпрыском домохозяйки и, как я уже говорил, инженера-химика. Отец тогда работал у И. Ай. Дюпон де Немур и Компания – производящей, помимо всего прочего, и сильные взрывчатые вещества.

Когда мне было 2 года, мы переехали в Мидленд Сити, Огайо, где компания, выпускавшая стиральные машины, называемая Корпорацией Робо-Магика, как раз приступила к созданию механизмов для бомбометания и вращающихся турелей для пулеметов на бомбардировщиках Б-17. Пластиковая промышленность тогда еще делала первые шаги, и отца послали в РобоМагику, чтобы прикинуть, какие из дюпоновских синтетических материалов могут пригодиться в системах вооружения взамен более тяжелого металла.

К концу войны компания окончательно распрощалась со стиральными машинами и сменила название на Барритрон Лимитед, и выпускала части для оружия, самолетов и наземных средств сообщения на основе пластиков, разработанных компанией. Мой отец стал Вице-Президентом Компании, ответственным за Исследования и Разработки.

Когда мне было лет 17, Дюпон купил Барритрон, чтобы завладеть некоторыми его патентами. Помнится, один из пластиков, в создании которого участвовал мой отец, обладал способностью рассеивать сигналы радара, так что самолет, одетый в такую оболочку, выглядит на экране вражеского радара как стая гусей.

Этот материал, из которого впоследствии стали делать практически неразрушимые роликовые доски, лыжи, мотоциклетные защитные шлемы и крылья, и прочее в этом роде, послужил основной причиной ужесточения режима секретности на Барритроне, когда я был еще мальчишкой. Простого забора, забранного поверху колючей проволокой, показалось недостаточно, чтобы уберечь от Коммунистов секрет производства. Снаружи возвели еще один забор, и полосу между ними круглосуточно охраняли мрачные патрульные в высоких сапогах, с поджарыми голодными доберманами.

Когда Дюпон завладел Барритроном, вместе с двойным забором, доберманами, моим папашей и прочим, я кончал школу и твердо решил идти в Мичиганский Университет учиться на журналиста, чтобы служить верой и правдой Джону Гражданину, который имел право все знать. Двое из моего джаз-секстета, который мы называли «Продавцы душ», кларнет и бас-гитара, тоже собирались в Мичиган.

Мы намеревались держаться вместе и продолжать музыкальные выступления в Энн-Арбор. Как знать? Мы могли бы добиться такой популярности, что нас приглашали бы в турне по всему миру, и мы бы дико разбогатели и выступали бы в роли суперзвезд на маршах мира и благотворительных марафонах, но тут началась война во Вьетнаме.

В Уэст-Пойнте студенты к музыке не допускаются. Музыканты, играющие в танцевальном джазе и в военном оркестре, – кадровые солдаты регулярной армии, представители обслуживающего персонала, рабочего класса.

Им было приказано играть музыку точно по нотам, нотку за ноткой, и ничего не брать в голову.

Кстати, студенческой газеты в Уэст-Пойнте тоже не было. Никого не касалось, что студенты думают. Никому это было не интересно.

Со мной все было в порядке, а у отца жизнь не ладилась. Представители Дюпона его оценивали, присматривались, как присматривались ко всем служащим Барритрона, решая, оставить их или уволить. Да вдобавок он спутался с замужней женщиной, а муж застал их и задал ему взбучку.

Мои родители очень болезненно переживали эти передраги, так что я с ними никогда об этом не заговаривал. Но сплетни разошлись по всему городу, и у отца был фонарь под глазом. Спортом он отродясь не занимался, и пришлось ему выдумывать, будто он свалился с лестницы, что у нас в подвале. Мама к тому времени весила 90 килограмм, и непрестанно пилила его за то, что он продал все свои барритроновские акции на 2 года раньше, чем следовало. Попридержи он их до тех пор, как Барритрон перешел к Дюпону, он бы имел 1 000 000 в то время, когда быть миллионером еще кое-что значило. Если бы я оказался неспособным к обучению, он мог бы позволить себе послать меня в Таркингтон.

В отличие от меня, он был из тех мужчин, которые должны дойти до ручки, прежде чем совершить прелюбодеяние. Мои враги в старших классах нашей школы рассказывали, что Папа повторил старый трюк – выскочил из окна и прыгал, как Братец Кролик, по всему заднему двору со спущенными штанами, и собака его кусала, и в бельеовой веревке он запутался, ну и так далее. Возможно, они несколько преувеличивали. Я так и не спросил у отца, как было дело.

Меня самого сильно беспокоило положение нашей семьи в обществе. Наш семейный имидж еще больше пострадал, когда мама сломала нос – всего через 2 дня после того, как отцу подбили глаз. Для посторонних это выглядело однозначно: видимо, она спросила отца, откуда у него фонарь под глазом, и он ей врезал. Не думаю, что он хоть раз тронул бы ее пальцем, при любых обстоятельствах.

Впрочем, было вовсе не так уж маловероятно, что он ей-таки врезал. На его месте любой слабак ей бы врезал. Но правда навсегда ускользнула от историков, когда обвалившийся потолок на канадской стороне Ниагарского водопада убил обоих участников инцидента, и было это лет 20 спустя, как я уже говорил. Они даже не узнали, что на них свалилось, – а это самая легкая смерть, куда уж легче.

Во Вьетнаме или на любом поле сражения, думаю, об этом и спорить не приходилось. Помню, как один мальчишка наступил на противопехотную мину. Может, это была даже наша собственная мина. Его лучший друг, с которым они вместе проходили боевую подготовку, спросил, что он может для него сделать, и юнец ему ответил: «Выруби меня, как лампочку, Сэм».

Умиравший мальчишка был белый. Его ровесник, который хотел помочь, был черный, точнее, чуть смугловатый. А черты лица у него были точь-в-точь как у белого...

Женщина, с которой я занимался любовью несколько лет назад, спросила меня, живы ли мои родители. Ей хотелось побольше узнать обо мне после того, как мы разделись.

Я ей сказал, что мои родители умерли не своей смертью на чужбине. И я сказал правду: Канада – чужая сторона.

А потом я услышал, как плету что-то несусветное про сафари в Танганьике – я едва представляю, где это и что это за место. Я сказал той женщине – и она мне поверила, – что моих родителей вместе с проводником застрелили браконьеры, охотившиеся на слонов ради слоновой кости, – приняли их за охрану заповедника. Я сказал, что браконьеры положили тела на верхушки муравейников, так что очень скоро от них остались начисто обглоданные скелеты. И опознать их можно было только по зубам – по пломбу и прочей дантистской работе.

Раньше мне ничего не стоило плести подобные фантастические небылицы, это меня даже как-то подстегивало. Теперь уже не то. И я думаю, не выработал ли я эту нездоровую привычку в очень раннем детстве, по той причине, что родители у меня были вовсе не подарочек, особенно мама, которая свободно могла бы выступать в цирке в роли Толстухи. И я стал рассказывать про своих родителей так, чтобы они нравились людям, которые о них ничего не знали, чтобы эти люди и ко мне относились лучше.

И в последний год во Вьетнаме, когда я работал в Информбюро, я с неподдельной, естественной легкостью уверял прессу и прибывших новобранцев, что мы одерживаем победу за победой и что наши родные там, дома, должны гордиться нами и радоваться нашим подвигам и добру, которое мы несем.

Я же научился лгать, не переводя дыхания, еще в школе.

А вот еще кое-что, чему я научился еще в школе и что очень пригодилось во Вьетнаме: алкоголь и марихуана, в умеренных дозах, плюс оглушительная, по преимуществу низкопробная поп-музыка – отличное средство против стресса и скуки. Вот уж и вправду манна небесная – мой врожденный дар умеренности, когда дело доходило до приема разных психотропных веществ. За последние 2 года, что я провел в школе, мои родители, кажется, даже не подозревали, что я большую часть времени нахожусь под мухой. Жаловались они только на музыку, когда я врубал проигрыватель или когда мы с «Продавцами душ» репетировали у нас в подвале – Ма и Па заявляли, что это дикарская музыка и от нее оглохнуть можно.

Во Вьетнаме музыка была всегда оглушительная. И практически все мы до единого были наполовину в отрубке, в том числе и капелланы. Несколько самых ужасных несчастных случаев, по поводу которых мне приходилось давать разъяснения прессе в последний мой год во Вьетнаме, произошли из-за людей, которые довели себя до полного идиотизма или зверской ярости, наглотавшись лишку химических препаратов, которые были бы в умеренной дозе просто полезны. Все подобные случаи я объяснял, разумеется, тем, что человеку свойственно ошибаться. Журналисты меня поняли. Ну, кто на этой Земле не совершил 1–2 ошибки?

Убийство австрийского эрцгерцога послужило причиной 1 Мировой войны, а может быть, и 2 мировой войны. И точно так же фонарь под глазом моего отца привел меня в то бедственное положение, в каком я сейчас нахожусь. Он лихорадочно искал возможность вернуть себе уважение окружающих, он был готов на что угодно, чтобы новый владелец Барритрона, Дюпон, обратил на него благосклонное внимание. Теперь Дюпон, разумеется, поглощен И. Г. Фарбениндустри, немецкой фирмой – той самой, что производила, расфасовывала, снабжала этикетками и рассылала по разным адресам газ циклон, который применяли для уничтожения мирного населения всех возрастов, включая грудных детей, во время Мировой Бойни.

Ну и планетка.

Так что отец, глядя на меня заплывшим глазом, похожим на трещину в лилово-желтом омлете, спросил меня, получу ли я высший балл по какому-нибудь предмету. Он не признавался, но ему было дозарезу нужно хоть чем-то похвалиться у себя на работе. Он дошел до такой крайности, что готов был добиваться от козла молока – учитывая, что я спортом в старших классах не занимался, в студенческом самоуправлении не участвовал, общественной работой не интересовался. Я добился среднего балла, достаточного для поступления в Мичиганский Университет, иногда я попадал и в списки лучших, но, конечно, до Национальных Почестей мне было далеко.

Это было жалостно и омерзительно! Я был в бешенстве, ясно – ведь он старался и на меня свалить часть ответственности за имидж нашего семейства, когда сам был кругом виноват.

– Я всегда жалел, что ты не играешь в футбол, – сказал он, как будто отличный гол сразу все поставил бы на место.

– Теперь уже поздно, – сказал я.

– Ты все 4 года пробездельничал, только и знал, что свою дикарскую музыку, – сказал он.

Сейчас, каких-нибудь 43 года спустя, мне приходит в голову, что я мог бы ему ответить, что я по крайней мере получше распорядился своей сексуальной жизнью, чем он. От девчонок отбою не было и у меня, и у остальных «Продавцов душ» – как раз благодаря нашей дикарской музыке. И некоторые вполне взрослые женщины, а не просто девчонки, видели в нас роскошных, раскованных парней, там, на эстраде, где мы кривлялись, подражая черным, курили марихуану, обожали самих себя, наяривая свою дикую музыку, и хохотали Бог знает над чем.

Похоже, что моим любовным похождениям настал конец. Даже если мне и удастся выйти из тюрьмы, как-то не хочется награждать какую-нибудь доверчивую женщину туберкулезом. Она будет до смерти бояться СПИДа, а я ей вместо этого устрою ТБЦ. Мило, не правда ли?

Так что придется мне утешаться воспоминаниями. Чтобы подкрепить свою память, я начал составлять список всех женщин, включая и мою жену и случайных проституток, с которыми я «дошел до конца», как мы говорили в старших классах. Вспомнить хоть одну свою победу в возрасте до 20 лет я с уверенностью не могу – путаются события и фантазии. Все одинаково похоже на сон. Так что я начал с Шэрли Керн, с которой я занимался любовью, когда мне минуло 20. Шэрли – это мой стартовый номер.

Сколько имен окажется в списке? Пока еще рано подводить итоги, но подумайте, не стоит ли поместить это число, каким бы оно ни оказалось, на моем надгробии – это была бы славная и загадочная эпитафия, а?

Я искренне сожалею, если сломал жизнь кому-нибудь из этих женщин, которые верили, когда я говорил, что люблю их. Мне остается только уповать на то, что Шэрли Керн и все остальные живут хорошо.

Если это утешит тех, чья жизнь не сложилась, скажу, что моя собственная жизнь была сломана на Выставке Технического Творчества.

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)